Четвергъ, 27 апрѣля 1917 г.

ГОЛОСЪ НАРОДА

Цѣна номера 7 коп.

—ОРГАНЪ—
ОРЛОВСКОЙ ДЕМОКРАТІИ.
Выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

№ 4.

РЕДАКЦІЯ: Орелъ, Введенская, д. обществ. организ. Для личн. объясн. отъ 11—1 дня и отъ 7—8 веч., кромѣ праздниковъ. Телеф. 138.

КОНТОРА: Орелъ, Губернская Типографія. Открыта отъ 9 ч. утра до 7 ч. вечера, кромѣ праздниковъ. Телеф. 361.

№ 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на ежедневную демократическую газету
„ГОЛОСЪ НАРОДА“.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ дост. и перес.):
на 12 мѣсяцевъ . . . . . 10 р. | на 3 мѣсяца . . . 3 р. 40 к. | До конца текущ. года . 7 р.
на 6 . . . . . 6 р. | на 1 . . . . 1 р. 20 к. | Цѣна отдѣльнаго номера 7 коп.
Подписка принимается: 1) въ Редакціи, 2) въ Конторѣ, 3) въ книжномъ магазинѣ Потѣхина, Орелъ, Болховская улица. Телеф. 271.
Такса для объявленій: 1 строка впереди текста—20 коп., позади—10 к. Предлагающимъ трудъ 50% скидки.
Разсылка отдѣльныхъ листковъ—4 р. за 1000 экз.
Издатель: Т-во на паяхъ.

Отъ редакціи:

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, должны быть четко переписаны на одной сторонѣ листа.

Рукописи, на которыхъ не указано никакихъ условій, считаются или безплатными, или оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи случайныхъ сотрудниковъ не хранятся, если это не обусловливается авторами и если на возвращеніе ихъ не прислано марокъ.

Редакторъ принимаетъ для личныхъ объясненій ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12 до 1 часа дня.

Секретарь—во всѣ пріемные часы.

Отвѣтств. редакторъ К. В. Зубковскій.

ГРАЖДАНЕ!
30-го апрѣля
въ ГРАНДЪ-ЭЛЕКТРО будетъ показано
ВЕЛИКІЕ ДНИ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ МОСКВѢ 28 февраля—4 марта 1917 г.
Снято союзомъ кинодѣятелей.
Весь доходъ отъ продажи этой картины поступитъ въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета Московскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ пользу жертвъ стараго режима, освобожденныхъ изъ царскихъ тюремъ и возвращен. изъ нѣдръ ссылки.
Цѣны повышены 10—0—1

Контора „Голоса Народа“
проситъ подписчиковъ о каждомъ случаѣ недоставки газеты немедленно сообщать ей (Губерниск. типограф., отъ 9 ч. у. до 7 ч. веч.; телефонъ—361).

ТРЕБУЮТСЯ наборщики въ губернскую типографію.

Соціалисты и заемъ свободы.

Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ постановилъ большинствомъ всѣхъ противъ 122 (голосовало больше 2000 человѣкъ) признать необходимымъ произведенный Временнымъ Правительствомъ заемъ свободы.

Совѣтъ призналъ, что деньги нужны „для закрѣпленія завоеваній революціи и для обезпеченія ихъ отъ нападенія извнѣ“.

Таковъ первый пунктъ, принятый Совѣтомъ резолюціи. Остальные только развиваютъ и дополняютъ этотъ пунктъ.

Защита завоеваній революціи требуетъ денегъ.

Деньги нужны для защиты Революціонной Россіи отъ покушеній на свободу ея, какъ извнѣ, такъ и изнутри.

Только такъ называемые „большевики“ голосовали противъ займа.

Они забыли, что опасность угрожаетъ извнѣ не Временному Правительству, за немедленное сверженіе котораго они агитируютъ, а всей Россіи, кровью добывшей себѣ высшее благо на землѣ—свободу.

Они забыли, что безъ денегъ не можетъ существовать въ наше время господства капитализма ни одно государство; что безъ денегъ погибнетъ отъ голода армія, погибнутъ лазареты земскаго и городского союзовъ, остановятся фабрики и заводы, обнищаетъ рабочій классъ. Погибнетъ свобода.

Характерна для прямолинейной, узкой, оторванной отъ дѣйствительной жизни логики соціалъ-демократовъ—большевиковъ рѣчь Каменева:

„Мы, товарищи,—говорилъ Каменевъ,—то меньшинство (122 человѣка), которое по долгу соціалистовъ не нашло возможнымъ подписаться подъ предлагаемой намъ резолюціей, ибо, что бы здѣсь ни говорили въ защиту ея, но для насъ ясно, что деньги даются правительству все же буржуазному, многіе члены котораго насквозь проникнуты имперіалистскими стремленіями“.

Представимъ на минуту, что за утопистами—ленинцами пошелъ весь Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и денегъ Временное Правительство не получило бы ни для защиты Россіи отъ нѣмцевъ, ни для укрѣпленія свободы.

Нѣмцы прорвали бы фронтъ нашей изголодавшейся безъ денегъ и безъ хлѣба арміи, наводнили реакцію и, возможно, возстановили удобный для нихъ старый режимъ.

Кто бы отъ этого пострадалъ? Буржуазное министерство? Милюковъ? Гучковъ? Или весь народъ, вся Россія?

Погибло бы все Русское государство.

Вѣдь въ окопахъ сидитъ не Временное Правительство, тамъ умираютъ за свободу Россіи солдаты.

Вѣдь въ лазаретахъ военныхъ лежитъ не Милюковъ и не Гучковъ. Въ лазаретахъ—наши раненые солдаты и офицеры.

И ихъ-то оставить безъ хлѣба, безъ лекарствъ, безъ докторовъ...

Но, можетъ быть, не получивъ денегъ, Временное Правительство кн. Львова уйдетъ въ отставку.

Кто же тогда займетъ министерскія кресла?

Соціалисты?

Конечно, нѣтъ, потому что революція наша какъ ни какъ буржуазная и установить сейчасъ въ Россіи соціалистическій строй нельзя.

Новое министерство будетъ опять буржуазное и ему так же придется отказать въ займѣ.

Но тогда—пораженіе на фронтѣ и разруха внутри.

Этого ли хотятъ господа ленинцы?

Гдѣ интеллигенція?

Русская революція выдвинула много большихъ и серьезныхъ вопросовъ.

Вопросы эти должны быть разрѣшены теперь же, и разрѣшить ихъ долженъ самъ народъ.

Прошло то время, когда кто-то думалъ и дѣлалъ за народъ.

Отнынѣ народъ самъ творитъ новую жизнь, самъ куетъ свое счастье на наковальнѣ революціи.

Но все новые и новые вопросы встаютъ передъ нимъ.

Снова и снова онъ долженъ разрѣшать ихъ.

Жадно ловитъ онъ каждое новое слово, новую мысль оратора на митингѣ и даже просто собесѣдника.

Достаточно объявить, что тогда-то и тамъ-то будетъ идти митингъ, собраніе, лекція, чтобы туда повалили толпы народа.

Солдатъ и рабочихъ.

Они слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Но... приходятъ разъ, другой; начинаютъ присматриваться къ ораторамъ, слушателямъ.

И видятъ—слушатели въ большинствѣ все новыя лица. Все новыя волны слушателей рождаетъ революція.

Не то ораторы и пропагандисты.

Ихъ мало. Очень мало.

Часто приходится видѣть и слышать однихъ и тѣхъ же.

Хорошо это или плохо?

Многое зависитъ отъ оратора. Хорошъ онъ—хорошо. Плохъ онъ—не хорошо.

Но бываетъ и такъ.

Ждетъ, ждетъ народъ оратора, а его все нѣтъ. Такъ и не приходитъ тотъ, кого ждали. Или придетъ,—да другой, котораго и не очень хотятъ слушать.

Это недопустимо.

Нельзя оставлять неудовлетворенными запросы народа.

Нельзя вмѣсто хлѣба давать народу камень.

Отчего же происходитъ это грустное явленіе?

Почему не приходятъ тѣ, кто знаетъ, къ тѣмъ, кто не знаетъ.

Или ужъ никто ничего не знаетъ?

Конечно нѣтъ. Конечно, есть у насъ, и въ частности въ Орлѣ, люди, которые чему нибудь и даже многому учились и могли бы понести свои знанія народу.

Но гдѣ же они? Гдѣ наша интеллигенція? Почему не идетъ она туда, гдѣ нужны ея силы, знаніе, опытъ?

Она не идетъ потому, что вся жизнь русская строилась на отдѣленіи народа отъ интеллигенціи, потому что наша ушедшая отъ насъ навсегда „проклятая дѣйствительность“ создавала замкнутыхъ, нерѣшительныхъ, лишенныхъ общественности людей.

У насъ много людей, которые до конца жизни такъ и не могутъ разрѣшить вопроса о томъ, знаютъ ли они что либо или они ничего не знаютъ.

Отчужденіе отъ народа, вялость воли и духа—вотъ что мѣшаетъ въ большинствѣ случаевъ нашей интеллигенціи подойти вплотную къ народу, прислушаться къ его завѣтнымъ мечтамъ, понять его насущныя желанія, *вмѣстѣ съ нимъ* проклясть рабство и позоръ прошлаго и плечо съ плечемъ бороться за лучшее, свѣтлое будущее Россіи.

К. Зубковскій.

Къ петроградскимъ событіямъ.

Во многихъ газетахъ самаго противоположнаго направленія подъ различнымъ угломъ зрѣнія разсматриваются событія, имѣвшія мѣсто за послѣднее время. Въ разныхъ органахъ, подвергая обсужденію самый фактъ, стараются обвинить то ту, то другую сторону. Намъ кажется, что при наличности выступленія народа, какъ за временное правительство, такъ и противъ не можетъ никого возмущать и тревожить самый фактъ демонстраціи, ибо всякая демонстрація, или манифестація, выражающая волю той или другой партіи или группы манифестирующихъ, вполнѣ законна и даже необходима, какъ чисто количественный показатель силъ той или другой партіи. Въ этомъ инцидентѣ печаленъ фактъ насилій, совершенныхъ надъ мирными гражданами; дѣло его подлежитъ разслѣдованію судебныхъ властей и высказываться, въ данное время, по этому поводу преждевременно. Но насъ тревожитъ другой фактъ, фактъ неорганизованнаго выступленія части демократическаго населенія Петрограда, и воззваніе совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ къ рабочимъ только подтверждаетъ возможность такой тревоги.

Необходимо помнить, что въ тотъ моментъ, когда на русской демократіи лежитъ отвѣтственность за будущее строительство нашей жизни, когда закрѣпленіе добытыхъ свободъ еще не закончено, сила демократіи заключается главнымъ образомъ въ ея организованности. Необходимо также помнить, что въ тотъ моментъ, когда тотъ органъ демократіи, который можетъ сдерживать массы, потеряетъ власть надъ нею, когда эта масса попадетъ подъ власть различныхъ вліяній, тогда передъ Россіей встанетъ призракъ гражданской войны. Такимъ образомъ очевидно, что на вождяхъ демократіи лежитъ обязанность дальнѣйшей организаціи трудящихся массъ и примѣръ петроградскихъ событій повелительно диктуетъ, какъ можно скорѣе исполнить это обязательство.

Ядринцовъ.

Голосъ Плеханова.

Старѣйшій и интеллигентнѣйшій вождь русской соціалъ-демократіи, основатель русской соціалъ-демократической партіи Г. Плехановъ посвящаетъ въ своемъ органѣ „Единство“ статью, посвященную анализу тактики партіи, и выясняетъ свое отношеніе къ переживаемому моменту.

Приводимъ эту интересную статью полностью.

Статья написана въ формѣ обращенія къ сотоварищамъ по „Единству“.

Дорогіе товарищи! — пишетъ Плехановъ,—„Было время, когда я не могъ принимать личнаго участія въ празднованіи перваго мая русскимъ пролетаріатомъ по причинѣ полицейскаго преслѣдованія. Теперь мнѣ препятствуетъ въ этомъ состояніе моего здоровья. По непосредственному впечатлѣнію, произведенному на меня, это послѣднее препятствіе, пожалуй, досаднѣе перваго. Но въ объективномъ смыслѣ мое недомоганье есть лишь маленькая, хотя и весьма не пріятная для меня подробность, между тѣмъ, какъ фактъ устраненія полицейскихъ рогатокъ, заграждавшихъ путь русскому рабочему движенію, имѣетъ огромную историческую важность. И мнѣ въ высшей степени пріятно сознавать, что въ вашемъ лицѣ я имѣю дѣло съ товарищами, правильно оцѣнившими значеніе этого факта.

Первымъ словомъ тактики группы „Единство“ является напоминаніе русскому пролетаріату о томъ, что ему необходимо, прежде всего, упрочить ту политическую свободу, которую онъ пріобрѣлъ цѣною славной мартовской революціи. Для упроченія этой свободы, онъ долженъ стать во главѣ всѣхъ тѣхъ классовъ и слоевъ населенія, интересы которыхъ были бы нарушены возстановленіемъ стараго порядка.

Въ своихъ политическихъ выступленіяхъ и заявленіяхъ, онъ долженъ теперь выдвигать на первый планъ не то, что его разъединяетъ съ этими классами и слоями, а то, что объединяетъ его съ ними.

Намъ говорятъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ измѣняетъ своему классовому интересу. Совершенно наоборотъ. Поступая такимъ образомъ, онъ создаетъ политическія учрежденія, при которыхъ ему легче и удобнѣе всего будетъ защищать именно этотъ интересъ.

Въ томъ то и заключается величіе политической роли, выпавшей теперь на долю русскаго пролетаріата, что, совершенно безкорыстно работая для блага всего населенія Россіи,—за исключеніемъ реакціонныхъ его элементовъ,—онъ тѣмъ самымъ работаетъ для своего собственнаго блага.

Кому непонятно это счастливое и плодотворное сочетаніе двухъ указанныхъ интересовъ, тотъ не постигъ смысла текущаго историческаго момента.

Второе слово нашей тактики есть неустанное напоминаніе русскому рабочему классу о томъ, что надъ нашей страной все еще виситъ грозная опасность германскаго завоеванія. Для меня крайне отрадно убѣжденіе въ томъ, что и въ этомъ случаѣ мнѣ не нужно доказывать вамъ неоспоримую истинность второго слова нашей тактики. Только неисправимые утописты воображаютъ, будто указанная мною опасность можетъ быть устранена посредствомъ противопоставленія бронированному кулаку германскихъ имперіалистовъ сладкихъ соображеній о преимуществахъ мира, объ ужасахъ войны и т. п. Обладатели бронированнаго кулака только презрительно смѣются надъ подобными соображеніями. Правда, въ Германіи возникла новая соціалистическая партія, болѣе или менѣе рѣшительно осуждающая войну. Но огромныя и чрезвычайно хорошо организованныя военныя силы германской имперіи находятся, вѣдь, не въ рукахъ этой партіи, а въ рукахъ Вильгельма съ его пособниками,—вплоть до Шейдемана и компаніи. И вы прекрасно знаете, что у молодой русской свободы нѣтъ болѣе опаснаго врага, чѣмъ германскій императоръ и его многочисленные сообщники. Если бы центральныя имперіи побѣдили насъ и нашихъ союзниковъ, то, не говоря уже о вѣроятности возстановленія нашего стараго порядка, онѣ навязали бы намъ условія, крайне неблагопріятныя для роста нашихъ производительныхъ силъ и тѣмъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ замедлили бы дальнѣйшее численное и культурное развитіе нашего рабочаго класса. А это, въ свою очередь, сильно задержало бы его движеніе къ конечной цѣли, т. е. къ соціализму.

Дѣятельно участвуя въ нынѣшней войнѣ, русскій пролетаріатъ не измѣняетъ своему классовому интересу, а, напротивъ, защищаетъ его съ оружіемъ въ рукахъ.

Кто этого не понимаетъ, тому остается недоступнымъ смыслъ теперешняго историческаго момента.

Будемъ же дружно трудиться надъ выясненіемъ русскимъ рабочимъ смысла нашей тактики.

Такое выясненіе представляетъ собою теперь политическую потребность нашей страны. Разъ сознаетъ рабочій классъ правильность нашей тактики, все прочее приложится.

Примите же, дорогіе товарищи, мой горячій привѣтъ и мое искреннее пожеланіе успѣха въ нашей работѣ.

Вашъ Г. В. Плехановъ.

„Единство“.